

№ 3.
1945

СУДЕБНАЯ
ПРАКТИКА
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
1945

В Ы П У С К
III (XIX)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. Т. ГОЛЯКОВА

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ СССР
Москва · 1945

СОДЕРЖАНИЕ

Руководящие указания Пленума Верховного суда СССР.	3
Постановления Пленума Верховного суда СССР по отдельным делам	4
Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР.	9
Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР.	16

Цена 1 р. 60 к.

Редактор В. П. Усков. Подписано к печати 16/1 1946 г. Печ. л. 2. Уч.-изд. л. 2,8.
В печ. л. 67.450 знаков. А 00808. Тираж 25 000. Заказ № 989.

3-я тип. «Красный пролетарий» треста «Полиграфнига» ОГИЗа при СНК РСФСР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

РУКОВОДЯЩИЕ УКАЗАНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. О порядке разрешения вопроса о возмещении материального ущерба по делам, рассматриваемым военными трибуналами

Постановление от 6 апреля 1945 г. № 6/3/у.

В практике работы военных трибуналов Красной Армии возник вопрос о порядке возмещения при рассмотрении уголовных дел материального ущерба, причиненного государственным, кооперативным и общественным организациям.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующее указание:

Согласно действующего законодательства военные трибуналы при рассмотрении уголовных дел принимают и рассматривают гражданские иски, заявленные только войсковыми частями.

Что же касается уголовных дел, связанных с причинением ущерба невоенным государственным, кооперативным и общественным организациям, то Военные Трибуналы, исходя из смысла постановления Государственного Комитета Обороны от 22 января 1943 года и распоряжения Государственного Комитета Обороны от 22 мая 1943 г., должны, вне зависимости от предъявления гражданского иска, передать вопрос о возмещении материального ущерба в соответствующий суд общей подсудности в порядке гражданского судопроизводства.

При этом военный трибунал, применительно к постановлению Пленума Верховного суда СССР от 15 августа 1940 г. № 29/16/у, принимает меры к обеспечению возмещения ущерба путем вынесения определения о наложении ареста на имущество осужденного, если такая мера не была принята до суда.

2. О квалификации преступлений по службе военнослужащих, выполняющих должностные функции и не принадлежащих к лицам начальствующего состава

Постановление от 6 апреля 1945 г. № 6/4/у

В судебной практике возник вопрос о том, как следует квалифицировать преступления по службе военнослужащих, выполняющих должностные функции, но не являющихся, вместе с тем, лицами начальствующего состава.

В связи с этим Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующее указание:

Учитывая, что в приведенных выше случаях указанные военнослужащие выполняют функции, присвоенные обычно лицам начальствующего состава, преступные их действия по службе надлежит квалифицировать наравне с последними.

В частности, за злоупотребление властью, превышение и бездействие власти, а равно и за халатное отношение к своим обязанностям они подлежат ответственности по ст. 17 Положения о воинских преступлениях (ст. 193-17 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ

1. Сознательное невыполнение колхозом своих обязательств перед государством путем утаивания подлежащего сдаче зерна должно квалифицироваться в отношении ответственных за эти действия лиц по ст. 58¹⁴ УК РСФСР

Дело Бабаева и др. Постановление от 26 января 1945 г.

По приговору военного трибунала Бабаев и Телепбергенов были осуждены по закону от 7 августа 1932 г. и ст. 109 УК РСФСР по совокупности, Кашаганов и Апаев по закону от 7 августа 1932 г.

Приговором по настоящему делу все указанные осужденные признаны виновными в том, что они организованно и систематически совершали хищения ржи и пшеницы из колхоза «Жол Сталина» Карасартовского с/с., Карасукского района, Алтайского края, в котором (в колхозе) Бабаев и Телепбергенов работали на руководящих должностях, Кашаганов в должности бригадира полеводческой бригады, Апаев являлся рядовым членом колхоза. В сентябре 1942 г. Бабаев, работавший тогда председателем правления колхоза, вместе со своим заместителем Телепбергеновым и Апаевым похитили ночью из кладовой колхоза 22 цент. ржи, которая в январе 1943 г. при обыске у подсудимых была обнаружена зарытой под стогом сена; в том же сентябре месяце были совершены еще два хищения зерна; теми же лицами были похищены из кладовой 15 цент. семенной ржи, которая тайным путем была распределена; таким же путем Бабаев и Телепбергенов и Кашаганов роздали 10 цент. ржи. В октябре 1942 г. Бабаев, работавший в это время уже в качестве председателя сельсовета, и сменивший его на посту председателя правления колхоза Телепбергенов похитили из кладовой колхоза 321 кг пшеницы, которая была передана без составления расходных документов некоему Суслову. В декабре 1942 г. Бабаев и Телепбергенов, похитив из кладовой 521 кг муки, распределили ее, взяв часть и себе. В результате этих хищений план хлебопоставок был выполнен колхозом только на 10% и в то же время по распоряжению Бабаева и Телепбергенова колхозникам было роздано зерно, в размере 51% от сданного государству. Кроме того, благодаря хищению семенного зерна была уменьшена норма высева на гектар.

Определением Военной Коллегии Верховного суда СССР от 7 декабря 1943 г. действия Кашаганова и Апаева были переквалифицированы на п. «д» ст. 162 УК РСФСР с соответствующим снижением наказания.

Основной недочет приговора по настоящему делу заключается в неправильном определении самого состава преступления, совершенного осужденными. Приговор изображает дело таким образом, будто осужденные совершили обыкновенную кражу зерна, кражу в своем колхозе, но при этом часть похищенного зерна в отдельных случаях давали и другим лицам. В действительности же преступные действия осужденных заключались в том, что руководители этого колхоза Бабаев и Телепбергенов при участии остальных осужденных, а также некоторых других колхозников, скрыли зерно от сдачи его государству с тем, чтобы распределить его. Именно с этой целью были спрятаны по указанию Бабаева 22 цент. семенной ржи, а затем еще 15 цент. ржи, часть которой Телепбергенов распределил затем между колхозниками. Если при этом сами Бабаев и Телепбергенов получили в свою пользу часть скрытого от государства зерна, то это побочное обстоятельство не является решающим для квалификации их действий, так же как и не являются таковыми и остальные злоупотребления, которые они совершили, как например незаконный отпуск зерна директору МТС Суслову и т. п. Основное обстоятельство, определяющее содержание их преступных действий, заключается в умышленном утаивании колхозного зерна

от сдачи его государству, т. е. в деятельности, направленной против выполнения колхозом своих государственных обязательств, следовательно, в деятельности направленной против государства, и поэтому правильно квалифицированной в обвинительном заключении, как саботаж хлебозаготовок по ст. 58¹⁴ УК РСФСР. Но к этому были неправильно присоединена ссылка на закон от 7 августа 1932 г.

Определением своего подготовительного заседания по делу военный трибунал исключил из формулировки обвинения ссылку на ст. 58¹⁴ УК РСФСР, заменив ее ст. 109 УК, но в то же время оставил в силе квалификацию действий обвиняемых по закону от 7 августа 1932 г. Такая перекалфикация преступления в отношении антигосударственной деятельности в области хлебозаготовок в условиях военного времени является неправильной, так как те, кто организует обман государства и срыв выполнения плана хлебозаготовок проявляют саботаж. Своим приговором военный трибунал не только не исправил ошибочной квалификации преступления, но дал искаженное определение состава совершенного преступления. Военная же Коллегия своим определением не исправила недочетов, но повторила их, как в изложении обстоятельств дела, так и в квалификации действий Кашаганова и Апаева по п. «д» ст. 162 УК РСФСР.

Исходя из всех указанных соображений действия основных виновников Бабаева и Телепбергенова необходимо квалифицировать по ст. 58¹⁴ УК РСФСР; наряду с этой статьей в отношении их должна быть также сохранена статья 109 УК РСФСР в виде дополнительной квалификации тех действий которые выразились в незаконном получении ими в свою пользу продуктов колхоза, в незаконном отпуске их посторонним лицам и т. п. Что касается Кашаганова и Апаева, то, учитывая второстепенную их роль, роль исполнителей указаний руководителя колхоза, действия Кашаганова, как должностного лица, должны квалифицироваться по ст. 109 УК РСФСР, а действия Апаева — по ст. 17—109 того же УК.

Ввиду всего изложенного, Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Квалифицировать действия Бабаева и Телепбергенова по ст.ст. 58¹⁴ и 109 УК РСФСР, определив в виде наказания по каждой из указанных статей и по совокупности по ст. 58¹⁴ УК РСФСР десять лет лишения свободы в исправтрудлагерях каждому, с поражением каждого в избирательных правах на 5 лет и конфискацией имущества.

Действия Кашаганова квалифицировать по ст. 109 УК РСФСР, а действия Апаева по ст. 109 через ст. 17 того же УК, определив в виде наказания Кашаганову три года лишения свободы в исправтрудлагерях и Апаеву — два года лишения свободы в общих местах заключения, обоим без поражения в правах и без конфискации имущества. Зачесть всем осужденным время, отбытое под стражей.

2. Для состава ст. 182 УК РСФСР не требуется, чтобы лицо, хранящее оружие без разрешения, являлось обязательно собственником этого оружия

Дело Котикова. Постановление от 16 марта 1945 г.

По обвинительному заключению, утвержденному Тульской областной прокуратурой, Котиков и Гудков были привлечены к уголовной ответственности по обвинению в том, что 26 июля 1944 г. они путем взлома совместно совершили кражу личного имущества у проживающих в городе Туле Безбородовой, Бычковой и Чиненовой; кроме того, в тот же день они совершили на улице хулиганское нападение на гражданина Ахматова, нанесли ему побой, а Котиков произвел в него выстрел из огнестрельного оружия. В соответствии с указанным инкриминируемым обвиняемым действия были

квалифицированы по п. «в» ст. 162 и ч. 2 ст. 74 УК РСФСР, а в отношении Котикова, кроме того, по ч. 1 ст. 182 того же УК за незаконное хранение огнестрельного оружия.

Военный трибунал войск НКВД Тульской области, которому это дело было передано для рассмотрения, вынес в подготовительном заседании от 16 ноября 1944 г. определение, которым из обвинительного заключения исключается обвинение Котикова по ч. 1 ст. 182 УК РСФСР, а так как дела по остальным статьям УК, приведенным в обвинительном заключении, подсудны общим судам, а не военному трибуналу, то дело было направлено в Тульский областной суд для передачи его по подсудности в соответствующий суд. Определением Тульского областного суда от 24 ноября 1944 г. дело было направлено для рассмотрения в народный суд 1-го участка Привокзального района г. Тулы, который в подготовительном заседании от 30 ноября 1944 г. принял дело к своему производству с преданием суду Котикова и Гудкова по п. «в» ст. 162 и ч. 2 ст. 74 УК РСФСР.

Исключение ч. 1 ст. 182 УК РСФСР военный трибунал мотивировал тем, что согласно данным дела револьвер, о котором идет речь в деле, принадлежал не Котикову, а скрывшемуся третьему участнику кражи вещей — Зосимову. Между тем, это утверждение не только не вытекает из материалов дела, но оно вовсе не исключает вопроса об ответственности Котикова за незаконное ношение револьвера. В деле имеются данные о том, что Котиков имел при себе револьвер во время нападения на Ахматова и из этого револьвера произвел выстрел, причем Котиков показал, что револьвер ему дал не Зосимов, а какой-то Петька. По смыслу ст. 182 УК РСФСР за незаконное хранение или ношение указанного в этой статье оружия отвечает не только собственник этого оружия, но и всякое иное лицо, которое хранит или носит оружие без надлежащего разрешения, если оно действует умышленно, т. е. если оно сознает, что оно не имеет права хранить или носить оружие. Поэтому необходимо признать, что в случае доказанности инкриминируемого Котикову преступления, он подлежит ответственности за незаконное ношение револьвера независимо от того, принадлежал ли этот револьвер ему или другому лицу. Таким образом, не было оснований для изменения формулировки обвинения, по которой Гудков и Котиков были привлечены к уголовной ответственности органами расследования.

При разрешении вопроса о подсудности необходимо учесть, что преступление Котикова, квалифицированное по ч. 1 ст. 182 УК РСФСР и подсудное военному трибуналу, связано единством действий с преступлением обоих обвиняемых, квалифицированным по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР. Поэтому, в соответствии со ст. 36 УПК РСФСР и ст. 9 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре дело в этой части подсудно военному трибуналу. Что касается обвинения в краже, квалифицированной по п. «в» ст. 162 УК РСФСР, то это преступление, не связанное с двумя другими, по смыслу ст. 117 УПК РСФСР, не должно было быть объединено с ними в одном производстве и в силу ст. 9 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре подлежало отдельному рассмотрению судом общей подсудности. Поскольку, однако, расследование всех преступлений, инкриминируемых обоим обвиняемым, объединено в одном деле, в интересах быстрого рассмотрения его целесообразно направить дело в суд в таком виде, для совместного рассмотрения этих преступлений.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом председателя Верховного суда СССР, постановляет:

Определение военного трибунала войск НКВД Тульской области от 16 ноября 1944 г., определение Тульского областного суда от 24 ноября 1944 г. и определение народного суда 1-го уч. Привокзального района г. Тулы от 30 ноября 1944 г. по настоящему делу отменить и дело направить в военный трибунал войск НКВД по Тульской области для рассмотрения по существу.

3. Действие или бездействие, содержащие самостоятельный состав преступления и предпринятые сознательно с целью устранения препятствия для совершения преступления другим лицом, надлежит квалифицировать по совокупности по статьям УК, предусматривающим данное действие или бездействие и соучастие в другом преступлении

Дело Прокофьева и др. Постановление от 6 апреля 1945 г.

Прокофьев, Денисов, Скажнев, Синегубова, Минкина и Гудкова были привлечены к уголовной ответственности: Прокофьев по ст. 118 и п. «д» ст. 162 УК РСФСР, Денисов и Скажнев по п. «д» ст. 162 УК РСФСР, Синегубова и Минкина по ч. 2 ст. 117 и п. «г» ст. 193-16 УК РСФСР, Гудкова по п. «г» ст. 193-16 УК РСФСР. Прокофьеву, Денисову и Скажневу инкриминировалось, что в декабре 1944 г. и в январе 1945 г. они систематически занимались хищением государственного груза на пристани Нижняя Часовая, похитив таким образом в разное время свыше 200 кг соли, которую они продавали на рынке. Для того чтобы проникнуть на пристань, Прокофьев дал взятку стрелку ВОХР Синегубовой 160 руб. и Минкиной 220 руб., которые за это разрешили Прокофьеву свободный доступ на пристань. Стрелку ВОХР Гудковой инкриминировалось, что она разрешила доступ на пристань Прокофьеву. Определением подготовительного заседания военного трибунала Средне-Волжского бассейна от 10 февраля 1945 г. действия, инкриминируемые Денисову и Скажневу, были переклассифицированы на п. «г» ст. 162 УК РСФСР, Прокофьеву — на п. «г» ст. 162 и ст. 118 УК РСФСР, Синегубовой — на ч. 2 ст. 117 и п. «г» ст. 193-16 УК РСФСР, Гудковой на п. «г» ст. 193-16 УК РСФСР, а в отношении Минкиной дело производством прекращено за недоказанностью обвинения.

Рассмотрев настоящее дело в порядке надзора по протесту Прокурора СССР, Военная водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР своим определением от 2 марта 1945 г. указала, что военный трибунал правильно переклассифицировал действия, инкриминируемые Прокофьеву, Денисову и Скажневу на п. «г» ст. 162 УК РСФСР, поскольку они особого доступа к грузам и складским помещениям не имели, а размер инкриминируемого им хищения не является крупным. Коллегия также признала правильным прекращение дела в отношении Минкиной, указав, что по делу нет достаточных данных, которые могли бы служить обоснованием для передачи ее суду. Вместе с тем Коллегия исключила из обвинения Прокофьева ст. 118 и Синегубовой ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, мотивируя это тем, что действия, инкриминируемые в этой части Прокофьеву и Синегубовой, должны рассматриваться в отношении Прокофьева, как вовлечение Синегубовой в соучастие в хищении, а в отношении Синегубовой, как прямое пособничество в хищении, почему в этой части действия Синегубовой должны квалифицироваться по п. «г» ст. 162 УК РСФСР через ст. 17 того же УК.

Рассмотрев протест прокурора по настоящему делу, Пленум Верховного суда СССР полагает, что поскольку Прокофьеву, Денисову и Скажневу инкриминируется систематическое хищение соли в размере свыше 200 кг, размер инкриминируемых им хищений давал основание для квалификации их действий по п. «д» ст. 162 той же статьи УК. Неосновательно в стадии предания суду прекращено дело Минкиной, так как не проверив показания уличавшего ее Прокофьева на суде, военный трибунал без достаточных оснований и преждевременно признал эти показания оговором.

Обращаясь к эпизоду, связанному с дачей взятки, Пленум находит, что в этой части допущена неправильная квалификация как в стадии предварительного следствия, так и в последующих судебных инстанциях. Правильно признав Прокофьева виновным в даче, а Синегубову и Минкину в получении взятки, поскольку первому инкриминировалась дача определенного вознаграждения стрелкам за доступ на склад, а вторым получение этого вознаграждения, органы следствия, инкриминируя эти действия, не учли, что Синегубова и Минкина по своему служебному положению обязаны были не

допустить Прокофьева на склад и, поэтому, разрешив ему пройти на склад, тем самым устранили возникшие для Прокофьева препятствия в совершении преступления. Так как по смыслу ст. 17 УК РСФСР устранение препятствия является одним из видов пособничества в совершении преступления, Синегубова и Минкина, в случае доказанности предьявленных им в этой части обвинений, должны рассматриваться, как соучастники Прокофьева. Поэтому Военная водно-транспортная коллегия правильно квалифицировала инкриминируемые Синегубовой действия, как соучастие в хищении. Однако квалификация, примененная Коллегией, не охватывает полностью сумму преступных действий, инкриминируемых Синегубовой, так как получение ею от Прокофьева вознаграждения за действия, которые она могла совершить благодаря своему служебному положению, является само по себе преступлением, независимо от соучастия в хищении, и прямо предусмотрено ст. 117 УК РСФСР. Поскольку, таким образом, в действиях, инкриминируемых Синегубовой, имеются признаки двух преступлений, эти действия, по смыслу ст. 49 УК РСФСР должны рассматриваться, как совокупность двух преступлений и квалифицироваться, как получение взятки и соучастие в хищении по совокупности. Таким же образом должны квалифицироваться и действия, инкриминируемые Минкиной, поскольку, как указано выше, и военный трибунал и военная водно-транспортная коллегия без достаточных к тому оснований прекратили в отношении ее дело.

По тем же основаниям следует признать неправильной и квалификацию действия Гудковой, которой, хотя и не инкриминируется получение взятки, но она привлечена к ответственности по обвинению в том, что, нарушив правила караульной службы, она разрешила свободный доступ на склад лицу, совершившему хищение. По изложенным уже выше основаниям и в ее действиях имеется идеальная совокупность двух преступлений, выражающихся, с одной стороны, в нарушении правил караульной службы, и с другой — в соучастии в хищении.

Ввиду изложенного и учитывая, вместе с тем, что инкриминируемое в данном случае получение взятки не сопровождалосьотягчающими признаками, указанными в ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение подготовительного заседания военного трибунала Средне-Волжского бассейна от 10 февраля 1945 г. и определение Военной водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР от 2 марта 1945 г. в отношении Прокофьева, Денисова, Скажнева, Синегубовой, Минкиной и Гудковой отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия с предьявлением обвинения Прокофьеву, Денисову и Скажневу по п. «д» ст. 162 УК РСФСР и дополнительно Прокофьеву также по ст. 118 УК РСФСР, Синегубовой и Минкиной по ч. 1 ст. 117, п. «г» ст. 193¹⁵ и ст. 17—162 п. «д» УК РСФСР и Гудковой по п. «д» ст. 162 через ст. 17 УК РСФСР и по п. «г» ст. 193¹⁵ УК РСФСР.

4. Определение о прекращении дела по п. 3 ст. 4 УПК РСФСР не является обстоятельством, препятствующим возбуждению дела, ввиду последовавшего заявления потерпевшего, и для этого не требуется предварительной отмены определения

Дело Р. Постановление от 26 января 1945 г.

Р. был привлечен к уголовной ответственности по обвинению по ч. 1 ст. 153 УК РСФСР. Определением подготовительного заседания военного трибунала от 5 сентября 1944 г. дело было прекращено на основании ст. 11 и п. 3 ст. 4 УПК РСФСР за отсутствием жалобы потерпевшей К.

Это определение было опротестовано Прокурором СССР в Военную коллегия Верховного суда СССР на предмет его отмены и передачи дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия по тем мотивам, что впоследствии от К. поступило заявление о привлечении Р. к ответственности. Согласившись с протестом, военная коллегия своим определением

от 28 ноября 1944 г. отменила определение подготовительного заседания военного трибунала и дело направила на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Определение Коллегии является неправильным.

Как протест Прокурора, так и определение Коллегии исходят из предположения, что наличие не отмененного определения о прекращении дела препятствует в данном случае проведению предварительного расследования по делу после поступления заявления от потерпевшей. Такая точка зрения не вытекает из закона. Прекращая дело производством, военный трибунал не касался обстоятельств дела по существу и мотивировал прекращение исключительно отсутствием жалобы потерпевшей, как необходимого условия для права на возбуждение дела. Однако поскольку закон нигде не ограничивает права потерпевшего на подачу жалобы по делам частного обвинения определенным сроком, за исключением общих сроков давности, указанных в ст. 14 УК РСФСР, и не ставит никаких иных условий, ограничивающих это право потерпевшего, следует признать, что наличие определения суда о прекращении дела за отсутствием жалобы потерпевшего не является препятствием для подачи последним жалобы. С другой стороны, последующая подача потерпевшим жалобы не опирается ранее вынесенное судом вполне законное определение о прекращении дела, так как эта последующая подача жалобы не только не устраняет, а подтверждает факт отсутствия такой жалобы при рассмотрении дела, что и явилось законным и безусловным основанием к прекращению дела. Поэтому необходимо признать, что для производства расследования по делу частного-публичного обвинения после подачи жалобы потерпевшим не требуется предварительной отмены определения суда о прекращении дела за отсутствием такой жалобы, и, наоборот, отмена такого определения, как вполне законного, является неправильной.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 ноября 1944 г. по данному делу отменить. Указать, что наличие определения военного трибунала о прекращении дела не препятствует в данном случае возбуждению дела со всеми последствиями в связи с последующим поступлением жалобы потерпевшей, при этом материалы уже проведенного следствия могут быть приобщены в качестве письменных доказательств к делу.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. Соучастие в форме сокрытия следов преступления предполагает умышленные действия, направленные к устранению или затруднению возможности выявления преступления

Дело Симбирцева. Осужден по ст. 17 и п. «в» ст. 162
УК РСФСР. Определение от 24 февраля 1945 г.

Симбирцева признана виновной в том, что на протяжении мая—октября 1944 г. она систематически похищала у своих односельчан коз, которых забивала на мясо и использовала для питания семьи.

Симбирцева суд признал виновным в том, что, зная о преступных действиях своей жены, он скрывал ее преступления и употреблял в пищу мясо от коз, похищенных его женой. Из материалов дела видно, что свои преступные действия Симбирцева совершала самостоятельно по своей собственной инициативе без какого-либо подстрекательства, понуждения или пособничества со стороны своего мужа. Неосновательно суд признал Симбирцева виновным в том, что он скрывал преступление своей жены. Согласно ст. 17 УК РСФСР соучастием признается не сокрытие преступления вообще, а сокрытие следов преступления, т. е. сокрытие и уничтожение таких предметов или иных доказательств (например пятен, следов, крови, орудий пре-

ступления и т. д.), которые могли бы служить средством к обнаружению преступления или преступника. Во всех этих случаях со стороны соучастника предполагаются умышленные активные действия, направленные к устранению или затруднению возможности выявления преступления. Что же касается Симбирцева, то никаких активных действий в указанном направлении он не совершал и сокрытие им преступления выразилось не в активной, а в пассивной форме, т. е. в том, что он, зная о преступных действиях своей жены, не донес об этом соответствующим органам власти. Такая пассивная форма, выражающаяся в недоносительстве, согласно ст. 17 УК РСФСР не является формой соучастия и образует самостоятельный состав преступления. Однако по Уголовному кодексу недоносительство карается в строго определенных законом случаях, т. е. только в отношении контрреволюционных преступлений и некоторых особо опасных преступлений против порядка управления (ст. ст. 58¹² и 59¹³ УК РСФСР). Поскольку Симбирцева, как исполнитель преступления, не совершала преступления, недоносительство о котором карается по закону, Симбирцев, неосновательно признанный виновным в соучастии по изложенным уже выше соображениям, не может отвечать также и за недоносительство.

Что касается обвинения Симбирцева в том, что он употреблял в пищу мясо от заведомо для него похищенных коз, то и эти действия Симбирцева не могут рассматриваться, как соучастие, поскольку использование предметов, заведомо добытых преступным путем, само по себе, при отсутствии данных о содействии преступлению, не является соучастием и не содержится в перечне видов соучастия, указанных в ст. 17 УК РСФСР.

Считая обвинение Симбирцева Н. И. необоснованным, Судебная коллегия определила:

приговор народного суда 3-го участка Кировоградского района и определение Свердловского областного суда в отношении Симбирцева отменить и дело на основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР в уголовном порядке производством прекратить.

2. Хищение по сговору государственного имущества лицами, имевшими особый доступ в место хранения этого имущества, подлежит квалификации по п. «д», а не по п. «г» ст. 162 УК РСФСР

Дело Путиловой. Определение от 17 февраля 1945 г.

Путилова привлечена к ответственности за то, что она в ноябре 1943 г., будучи мобилизованной на работу железной дороги ст. Троицк в качестве грузчика, проработала там до 18 января 1944 г. и самовольно оставила работу.

Кустанайский облсуд в подготовительном заседании, возвращая дело на следствие, мотивировал это тем, что в нарушение постановления СНК СССР от 3 января 1942 г. в деле нет первичных документов предприятия, откуда дезертировала Путилова. Кроме того, нарушена ст. 146 УПК РСФСР, так как в деле нет постановления об изменении обвиняемой меры пресечения, первоначально избранной в виде содержания под стражей, между тем, как обвиняемая, согласно справки прокуратуры, находится на свободе.

Верховный суд Казахской ССР отменил определение подготовительного заседания облсуда, указав, что для возвращения дела на следствие у суда не было оснований, так как дезертирство Путиловой из погрузочно-разгрузочной конторы ст. Троицк Южной ж. д., куда она была направлена для работы по мобилизации в ноябре 1943 г., подтверждается имеющимися в деле документами погрузочно-разгрузочной конторы: выпиской из приказа от 19 января 1944 г., докладной запиской начальника отдела кадров, анкетными данными, а также показаниями Путиловой. Отсутствие же в деле постановления об освобождении ее из-под стражи не могло служить основанием для возвращения его на следствие. Определение подготовительного заседания облсуда и определение Верховного суда Казахской ССР подлежат отмене по следующим основаниям: из материалов дела видно, что Путилова, направленная на работу в погрузочно-разгрузочную контору ст. Троицк, была

зачислена в штат этой конторы в качестве грузчицы и, таким образом, с этого момента являлась работником железнодорожного транспорта. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. «О введении военного положения на всех железных дорогах» Путилова должна отвечать за самовольный уход (дезертирство) с железнодорожного транспорта, как за совершение воинского преступления. Органы предварительного расследования правильно квалифицировали действия Путиловой по п. «г» ст. 193⁷ УК РСФСР. Однако при утверждении обвинительного заключения областной прокурор без приведения каких-либо мотивов изменил квалификацию преступления, предложив квалифицировать действия обвиняемой по указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. Этой ошибки не исправили ни облсуд, ни Верховный суд Казахской ССР. Кроме того, Путилова была одновременно с обвинением в дезертирстве с железнодорожного транспорта предана суду также по обвинению в совершении совместно с другой грузчицей кражи 12 кусков туалетного мыла путем взлома ящика с мылом, находившегося в вагоне, который они разгрузили.

Это преступление было квалифицировано по п. «г» ст. 162 УК РСФСР, тогда как эти ее действия следовало квалифицировать по пункту «д» этой статьи, так как кража совершена лицом, имевшим по работе особый доступ к хранилищу, где находится груз, притом совместно с другим лицом и к тому же применением технических средств (путем взлома).

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

определение подготовительного заседания Кустанайского областного суда и определение Верховного суда Казахской ССР отменить и дело по обвинению Путиловой передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия прокурору Кустанайской области.

3. Незаконное изъятие должностным лицом чужого имущества, лишенное корыстных мотивов и предпринятое в ложно понятых интересах обслуживаемой организации должно квалифицироваться не как хищение, а как злоупотребление служебным положением

Дело Цомартова и Барсукова. Определение от 17 февраля 1945 г.

По приговору Верховного суда Северо-Осетинской АССР от 29 февраля 1944 г. были осуждены по закону от 7 августа 1932 г. заведующий Змейским заготпунктом Северо-Осетинского торгового Севосторга Цомартов и ответственный заготовитель заготконторы Севосторга Барсуков.

Приговором по настоящему делу установлено, что 2 декабря 1943 г. Барсуков прибыл на машине под водительством шофера Грузиненко из г. Орджоникидзе в станцию Змейскую для переброски продуктов, заготовленных Змейским заготпунктом. По договоренности между Цомартовым и Барсуковым они, воспользовавшись отсутствием охраны колхозного зерна, находившегося в полевом стане колхоза им. Ворошилова, выехали вечером на машине к месту нахождения на поле семечек подсолнуха, похитив таким образом 22 мешка (904 кг) подсолнуха, но были задержаны с поличным при попытке выезда из заготпункта, куда они с машиной заехали после хищения.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 21 марта 1944 г. этот приговор был отменен и дело передано на новое рассмотрение со стадии судебного следствия с указанием на то, что обвинительный приговор вынесен на основании недостаточно исследованных в судебном заседании данных.

По вторичному приговору Верховного суда Северо-Осетинской АССР от 27 мая 1944 г. Цомартов и Барсуков были оправданы. Этот приговор был опротестован в кассационном порядке прокурором Северо-Осетинской АССР в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, опре-

делением которой от 30 июля 1944 г. приговор был отменен и дело передано на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

Председателем Верховного суда СССР был внесен по данному делу протест в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР. В протесте указано следующее:

Обвинение Цомартова и Барсукова основано на признании Цомартовым своей вины в процессе предварительного следствия, от чего он отказался на суде, на самом факте задержания Барсукова и Цомартова при попытке их вывезти семечки из заготпункта, причем груз не был оформлен соответствующими документами, а также на некоторых свидетельских показаниях, которые, однако, были высказаны ими только в качестве предположений.

Все изложенные обстоятельства, однако, не могут быть положены в основу обвинения при наличии других материалов, которые не дают основания признать обвинение Цомартова и Барсукова доказанным.

Из материалов дела видно, что будучи допрошен 2 декабря 1943 г., Цомартов показал, что он получил семечки в колхозе по соответствующим расценкам, но эта операция пока не была оформлена.

На вторичном допросе 7 декабря 1943 г. Цомартов показал, что никакой договоренности с руководством колхоза о получении подсолнуха он не имел и что, находясь в пьяном состоянии, он вместе с Барсуковым выехал на полевой стан, отобрал 22 мешка подсолнуха, которые хотели отвезти в город, но конкретного решения, как реализовать его, у них не было.

На последующем допросе 19 декабря, будучи вторично допрошен, Цомартов не признал себя виновным по закону от 7 августа 1932 г., но вместе с тем показал, что он подтверждает свои показания от 7 декабря 1943 г. На последующих допросах Цомартов признал себя виновным в предъявленном обвинении, но потом, как на первом суде, так и на последующих, категорически отрицал предъявленное ему обвинение, заявив, что подсолнух он взял, имея на это предварительное разрешение председателя колхоза Гокоева, что данные им показания на предварительном следствии были вызваны тем, что Гокоев настойчиво просил его изменить свои первоначальные показания и что он со своей стороны обещал, пользуясь своим влиянием в районе, не допустить дело до суда.

Барсуков в предъявленном обвинении виновным себя не признал.

При оценке доказательств по настоящему делу необходимо иметь в виду следующие обстоятельства:

Материалами дела несомненно установлено, что при выезде машины из Орджоникидзе в станицу Змейскую имелось в виду, что машина должна привезти с собой обратно также и подсолнух. Больше того, показаниями директора Севосторга Дзахоева на втором суде установлено, что предварительно Цомартов позвонил Дзахоеву по телефону и сообщил, что он может получить в колхозе им. Ворошилова семечки подсолнуха. По делу также установлено, что для этой цели Барсуков, выезжая из города в станицу Змейскую, захватил с собою 22 мешка. Таким образом, следует считать несомненно установленным, что вопрос о хищении семечек не возник у обвиняемых после приезда Барсукова в ст. Змейскую при совместной выпивке с Цомартовым и что намерение приобрести семечки возникло до этого по согласованию с руководством Севосторга.

Далее по делу установлено, что, нагрузив в отсутствие представителя колхоза семечки, Цомартов и Барсуков не повезли их непосредственно в город, а заехали предварительно на заготпункт, где дополнительно нагрузили машину картофелем, заготовленным заготпунктом. По этому поводу осужденные резонно заявили, что если бы они имели в виду совершить хищение подсолнуха, они не стали бы заезжать на заготпункт, подвергая себя определенному риску при вывозке похищенных семечек с территории заготпункта.

Таким образом, если даже отбросить версию Цомартова и Барсукова о том, что получение семечек было предварительно согласовано с председателем колхоза Гокоевым, и признать, что эти семечки были самовольно взяты

осужденными с полевого стана, то даже при этих условиях отпадает обвинение осужденных по закону от 7 августа 1932 г. Всякое хищение предполагает корыстные мотивы, т. е. незаконное обращение похищенного имущества в свою собственность. В свете же изложенных выше обстоятельств действия осужденных были лишены корыстного умысла и были лишь направлены к тому, чтобы незаконным путем получить подсолнух для нужд своей организации, так как, в случае намерения их похитить подсолнух они не стали бы посвящать руководство Севосторга в свои планы, поскольку доставка ими подсолнуха для нужд организации исключала бы для них возможность удовлетворить свои корыстные интересы. Поэтому при всех условиях действия осужденных подлежали бы квалификации не по закону от 7 августа 1932 г., а по ст. 109 УК РСФСР.

Однако по делу не только не опровергнуты показания Цомартова о предварительной договоренности с председателем колхоза Гокоевым, но в деле имеется ряд косвенных данных, подтверждающих это обстоятельство.

Прежде всего сам Гокоев дал по этому поводу противоречивые показания. На предварительном следствии Гокоев показал, что в день хищения он находился вне колхоза и что в этот день Цомартов ни днем, ни вечером к нему по вопросу о семечках не обращался. На суде, однако, как в первый раз, так и во второй раз, Гокоев был вынужден внести существенную поправку в свои показания и, отрицая показания Цомартова о том, что последний 2 декабря дважды к нему обращался по поводу семечек и что Гокоев дал ему разрешение взять эти семечки, все же вынужден был показать, что Цомартов к нему действительно обращался по поводу семечек, но он ему согласился на получение семечек не давал.

Что касается заявления Цомартова о том, что Гокоев просил его изменить свои показания на предварительном следствии, то хотя Гокоев это обстоятельство отрицал, однако он не отрицал того, что какой-то разговор с Цомартовым в процессе предварительного следствия действительно имел место.

Наконец Гокоев должен был подтвердить на втором суде и то обстоятельство, что и прежде бывали такие случаи, когда продукция забиралась покупателем в отсутствие представителей колхоза и затем оформлялась необходимыми документами.

При наличии всех указанных выше обстоятельств представляется правдоподобной версия Цомартова на суде о том, что Гокоев, дав предварительное разрешение на получение семечек, затем, когда машина была задержана, отказался от ранее данного им разрешения, опасаясь ответственности за то, что он не оформил выдачу семечек предварительным решением правления колхоза или даже общего собрания колхозников.

Рассмотрев протест, Коллегия отменила определение Верховного суда РСФСР, оставив в силе оправдательный приговор по делу.

4. Ст. 164 УК РСФСР предусматривает действия, совершенные по умыслу, а не по неосторожности

Дело Романова. Осужден народным судом 2-го участка Куйбышевского района г. Москвы по ч. 1 ст. 164 УК РСФСР. Определение от 17 февраля 1945 г.

Романов судом признан виновным в том, что он в декабре 1943 г. купил у гр-ки Татаринцевой за тысячу рублей зеркальный шкаф, заведомо зная, что таковой похищен у Стопалова.

Романов в обеспечение уплаты передал Татаринцевой карманные часы. После перевозки шкафа Романов обнаружил в нем чайную чашку с блюдцем и облигации госзайма на сумму три с половиной тысячи рублей.

Романов виновным себя не признал. Приговор подлежит отмене, а дело прекращению производством по следующим основаниям:

Дело возникло в связи с заявлением инвалида отечественной войны Сто-

палова о хищении у него имущества, оставленного им в принадлежащей ему комнате во время эвакуации из Москвы в г. Куйбышев в октябре 1941 г., где и был призван в Красную Армию.

Это заявление им было подано в прокуратуру по возвращении в Москву в сентябре 1943 г. До этого еще в марте 1943 г. такое же заявление было подано в органы милиции братом потерпевшего, который проживал некоторое время в этой же комнате и которому потерпевший при отъезде поручил хранить оставленное имущество. Брат потерпевшего, которому было отказано в проживании на данной жилплощади, потребовал от домоуправления возвращения ему его собственных вещей, оставшихся в комнате, которую домоуправление опечатало, и в связи с этим 1 марта 1943 г. квартира, пустовавшая в виду выбытия всех ее жильцов, была вскрыта. При этом как удостоверено актом, составленным управляющим домами, было обнаружено, что дверь в комнату Стопалова вместе с косяком выломана и почти все имущество его похищено. В открытой комнате Татаринцевой обнаружены остатки некоторых вещей, принадлежащих Стопалову. В акте отмечено, что дворник дома Белякова в первых числах февраля видела, как Татаринцева с каким-то гражданином вывозила из квартиры зеркальный шкаф Стопалова. В акте высказывались подозрения в совершении хищения имущества Стопалова на Татаринцеву, а также на Романова, как посещавшего Татаринцеву. Заведенное в связи с этим заявлением дело, к которому было приобщено и сообщение начальника охраны Наркомата резиновой промышленности, где Татаринцева работала вахтером, о совершении последней ряда краж и обманных действий, было прекращено производством, ввиду смерти Татаринцевой.

Только после повторных заявлений потерпевшего дело было возобновлено.

Будучи допрошенным, Романов показал, что с Татаринцевой, с которой он познакомился, когда она работала на том же заводе, где и он, он находился одно время в близких отношениях и посещал ее на дому. По ее словам у нее были в квартире две комнаты, в одной из которых почти не было обстановки, а во второй, которая была заперта, находились, как она говорила, ее более ценные вещи. Впоследствии он видел эту комнату опечатанной, а затем он как-то застал Татаринцеву в этой самой комнате, где он увидел разную мебель, в том числе и зеркальный шкаф, который она предложила ему взять. Она дала ему также чашку с блюдцем и облигации госзаймов. Она дала ему еще большой ковер, но ввиду того, что мать его стала возражать против того, чтобы ковер находился у них, так как она заподозрила, что он краденый, он вернул его Татаринцевой.

При последующих допросах Романов показал, что он купил у Татаринцевой шкаф, причем в залог он ей дал свои часы, чашку же и облигации он обнаружил в шкафу, когда он привез его к себе.

Свидетель Милехин на суде показал, что Романов рассказывал о покупке им шкафа за 1000 рублей. Управляющий же домом, в котором проживала Татаринцева, показал, что Романов ему рассказывал о том, что когда он нес ковер, то Татаринцева шла за ним и это ему показалось подозрительным.

Органами предварительного следствия Романов был предан суду по ст. 17—162 п. «г» УК РСФСР по обвинению в соучастии в краже имущества Стопалова. Однако суд отверг это обвинение как ничем не подтвержденное. Но суд признал Романова виновным в покупке у Татаринцевой заведомо похищенного шкафа.

Суд правильно отверг обвинение Романова в соучастии в хищении шкафа.

Что касается обвинения в покупке заведомо похищенного шкафа, то таковое построено на необоснованном утверждении, что осужденный знал о хищении шкафа Татаринцевой.

В обоснование этого утверждения суд сослался на то, что Романов не видел этого шкафа в комнате Татаринцевой.

Не говоря уже о том, что он однажды видел этот шкаф в комнате, кото-

рию Татаринцева также называла своей, одно это обстоятельство, т. е. что он не видел шкафа в комнате Татаринцевой, если бы это даже было так, не может служить доказательством того, что он знал о том, что он добыт преступным путем.

Можно было бы говорить о некоторой неосторожности, проявленной им в такой обстановке (нахождение шкафа в комнате, ранее опечатанной), которая могла вызвать подозрения так же, как они возникли по поводу ковра сперва у него, судя по показаниям управдома, а затем у его матери, как он сам показал.

Но ст. 164 УК РСФСР предусматривает умышленные действия, а не неосторожные. Поэтому в действиях Романова нельзя признать наличие состава преступления.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 2-го участка Куйбышевского р-на г. Москвы и определение Московского городского суда в отношении Романова отменить и дело за недоказанностью предъявленного ему обвинения производством прекратить.

5. Рассмотрение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего подсудимого без участия защиты является безусловным поводом к отмене обвинительного приговора по данному делу.

Дело Калупиной. Осуждена народным судом Духовщинского района Смоленской области по ст. 16 УК РСФСР и указу от 28 декабря 1940 г. Определение от 14 февраля 1945 г.

Калупина признана виновной в том, что, работая на автозаводе № 2 им. Молотова, на который она была направлена на работу в качестве токаря по окончании ремесленного училища, она работу самовольно оставила и уехала к себе домой.

В соответствии с директивным письмом Верховного суда СССР и Прокурора СССР от 21 июля 1935 г., а также приказом НКЮ СССР и Прокурора СССР от 11 июня 1940 г., по делам о несовершеннолетних участии защиты в суде является обязательным.

Между тем дело несовершеннолетней Калупиной рассмотрено судом без участия защитника. В связи с этим суд нарушил ст. 55 УПК РСФСР. Поэтому приговор в соответствии с п. 4 ст. 415 УПК РСФСР надлежало бы отменить и дело направить на новое рассмотрение. Учитывая, однако, что инкриминируемый несовершеннолетней Калупиной самовольный уход относится к началу мая 1944 г. и направление дела на новое рассмотрение в настоящее время является нецелесообразным, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Союза ССР определила:

Приговор народного суда Духовщинского района Смоленской области отменить и дело Калупиной производством прекратить на основании ст. 8 УК РСФСР.

6. Приговор не может ограничиваться общей характеристикой преступления подсудимого, а должен содержать в себе изложение тех конкретных действий, в которых подсудимый признан виновным.

Дело Морозовой-Принцевой. Осуждена Верховным судом Карело-Финской ССР по ст. 109 УК РСФСР. Определение от 24 февраля 1945 г.

Морозова-Принцева судом признана виновной в том, что, работая заведующей магазином № 1 Спецторга, она в течение августа—декабря разбазарила спирта 67,8 кг, масла 45 кг и сала 22,4 кг, всего на общую сумму по рыночным ценам 148 031 руб. и с целью сокрытия этого преступления подделала распоряжение на отпуск продуктов в сторону увеличения. Приговор

является неправильным и подлежит отмене по следующим основаниям: в нарушение ст. 334 УПК РСФСР приговор не содержит в себе изложения конкретных действий, в которых подсудимая признана виновной. Употребленный в приговоре термин «разбазаривание» не раскрывает конкретного содержания тех преступных действий, в которых признана виновной подсудимая, а лишь дает их общую характеристику, что является явным нарушением ст. 334 УПК РСФСР.

По приговору не установлено, в чем конкретно заключалось разбазаривание ценностей подсудимой, кому она передавала их, в каком количестве и т. д. Между тем выяснение всех этих обстоятельств является существенным не только для решения вопроса о квалификации действий осужденной, но и для вопроса о ее виновности вообще.

Из дела видно, что вывод суда основан на факте обнаружения недостачи у Морозовой-Принцевой. Между тем, причина этой недостачи по делу в достаточной степени не установлена.

Не отрицая факта недостачи, Морозова-Принцева привела ряд обстоятельств, подтверждаемых материалами дела, уточнение и дальнейшая проверка которых имеет существенное значение для дела.

Морозова-Принцева показала, что в магазине отсутствовали десятичные весы, вследствие чего она была лишена возможности проверить вес поступающих в магазин товаров и что об этом она неоднократно докладывала руководству, однако никаких мер к ликвидации этого ненормального положения не было принято. Проверка этого обстоятельства являлась существенно необходимой, так как в случае его подтверждения мог бы возникнуть вопрос о размере материальной ответственности Морозовой-Принцевой за недостачу, за которую при этих условиях должно было нести ответственность полностью или частично и само руководство Спецторга.

Далее, в деле имеются данные, что по распоряжению нач. Спецторга Кваскова (дело в отношении которого выделено в особое производство), существовала практика, когда продукты получались непосредственно на базе Спецторга и отфактуровывались на магазин и, таким образом, Морозова-Принцева оказалась ответственной за продукты, которые фактически в магазин не поступали. Эти обстоятельства, подлежащие детальному исследованию, подтверждаются и показаниями начальника базы Спецторга Яворского. Существовала также практика, узаконенная руководством, отпуска товаров в кредит, причем по делу не установлено, в каком размере были взысканы суммы с должников и какая сумма осталась невзысканной.

Все эти обстоятельства требуют дополнительной проверки, поскольку они могут повлиять на вопрос как о степени вины осужденной, так и о размере ее материальной ответственности.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор Верховного суда Карело-Финской ССР в отношении Морозовой-Принцевой отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. Трофейным может быть признано только то имущество, которое ранее принадлежало неприятелю

Определение № 31 1945 г. по иску Ф. А. Неженец к колхозу «Вторая пятилетка»

8 мая 1944 г. народный суд Сивашского района Херсонской области, рассмотрев дело по иску Неженец к колхозу «Вторая пятилетка» о возврате коровы, решил в иске Неженец отказать, признав, что корова возврату не подлежит, так как она была передана колхозу, как трофейное имущество.

По протесту Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия признала, что дело подлежит пересмотру по следующим основаниям:

1. По делу установлено, что корова принадлежала истце Неженец на праве личной собственности, была отобрана у нее немецкими оккупантами и затем, после разгрома оккупантов передана Красной Армией колхозу как трофейное имущество.

2. Поскольку спорная корова была насильственно отобрана у Неженец в связи с временной оккупацией местности немецкими войсками, Неженец, как личная собственница, не могла лишиться права собственности на свою корову и поэтому должна быть восстановлена в этом праве согласно ст. ст. 59 и 60 ГК независимо от того, у кого ее корова оказалась. Только передача коровы на снабжение Красной Армии или в заготовительные органы в порядке заготовок могла лишить Неженец ее права истребовать принадлежащую ей корову.

3. Не является законным основанием для лишения собственника его права на имущество, в том числе и на скот, ссылка на то обстоятельство, что спорное имущество отбито Красной Армией у неприятеля и потому является трофейным, т. е. принадлежащим государству. Трофейным может быть признано только то имущество, которое ранее принадлежало неприятелю. Имущество советских предприятий, организаций и отдельных граждан, отбитое у неприятеля, является собственностью этих предприятий, учреждений, организаций и отдельных лиц и подлежит возврату им по принадлежности, а в случае необнаружения собственника, как бесхозное, передается соответствующим государственным органам.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 26 января 1945 г. определила:

Решение народного суда от 8 мая 1944 г. отменить, обязать колхоз «Вторая пятилетка» возвратить спорную корову истце Неженец Феодосии Андреевне.

2. По сделкам, заключенным несовершеннолетними без согласия их родителей, последние не несут никакой ответственности.

Определение № 79 1945 г. по иску П. Е. Макарычевой к Ф. С. Болдыреву и др.

29 ноября 1943 г. народный суд 2-го участка г. Уральска решил отказать Макарычевой в иске к Болдыреву и Абросимову о взыскании 43 000 руб. за пропавшую корову. 15 декабря 1943 г. Судебная коллегия Западно-Казахстанского областного суда решение народного суда отменила и дело передала на новое рассмотрение.

7 января 1944 г. народный суд 1-го участка г. Уральска решил иск удовлетворить, взыскав с родителей ответчиков двадцать три тысячи в возмещение стоимости пропавшей коровы и 12 тысяч за неполученный удой молока, а всего 35 000 рублей.

Определением от 8 февраля 1944 г. Судебная коллегия Западно-Казахстанского областного суда решение народного суда оставила в силе.

29 мая 1944 г. Судебная коллегия Верховного суда Казахской ССР решение народного суда изменила, исключив из него взыскание 12 тыс. руб. за неполученный удой молока.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что дело подлежит пересмотру по следующим основаниям.

1. Из материалов дела видно, что истица взыскивает с ответчиков стоимость пропавшей коровы, которую ответчики якобы обязались пасти. Свидетели Андросов и Яковлев подтвердили, что Абросимов корову истицы к установленному месту пригнал и что дальше случилось с коровой им неизвестно.

2. Ответчики Болдырев Анатолий и Абросимов Борис, имеющие возраст по 14 лет, заключили соглашение с истицей о пастыбе коровы без согласия своих родителей и, следовательно, последние в силу статьи 9 ГК не могут

нести материальной ответственности по сделкам, заключенным детьми без их согласия.

В связи с указанными соображениями, народный суд 2-го участка г. Уральска 29 ноября 1943 г. правильно отказал истце в иске.

На основании изложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 26 февраля 1945 г. определила:

Оставить в силе решение народного суда 2-го участка г. Уральска от 29 ноября 1943 г. об отказе Макарычевой в иске, отменив все последующие решения и определения по делу.

3. При разрешении споров, возникающих из сделок, заключенных на территории, временно оккупированной врагом, суд должен руководствоваться постановлением Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1944 г. № 17/11/9

— Определение № 52 1945 г. по иску Б. П. Дорошенко к А. А. Рак

31 декабря 1943 г. народный суд Иченского района Черниговской области, рассмотрев дело по иску Дорошенко к Рак о возврате коровы, решил иск удовлетворить. 29 января 1944 г. Судебная коллегия Черниговского областного суда решение народного суда отменила и спорную корову оставила у Рак.

29 мая 1944 г. Судебная коллегия Верховного суда УССР отменила определение областного суда и оставила в силе решение народного суда.

По протесту Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия признала, что дело подлежит пересмотру по следующим основаниям:

1. Суд, разрешив дело по существу, не выяснил всех обстоятельств дела. Если верно, как утверждает Рак, что он купил корову у Дорошенко — мужа истицы по настоящему делу — и уплатил ему 1 500 рублей в дополнение к своей корове и в то время у сторон не было никаких недоразумений по поводу этой сделки, то у Дорошенко и членов его семьи нет в настоящее время оснований для возврата коровы. Если же между сторонами было соглашение сдать истцам нетель Рака, а коровой Дорошенко пользоваться совместно и это соглашение сторон подтверждено доказательствами, то спорная корова должна принадлежать сторонам на праве собственности каждому в половинной части.

2. При новом рассмотрении дела суду следует выяснить подробно обстоятельства дела и разрешить его в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1944 года № 17/11/9 о сделках, заключенных на территории, временно оккупированной немецкими войсками.

На основании изложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 31 января 1945 г. определила:

Все решения и определения отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд с участием прокурора.

4. Если неправильные действия общего собрания ДСКТ заключаются только в нарушении уставных правил в отношении порядка исключения из числа членов, то суд должен ограничиться только признанием недействительным такого постановления общего собрания, не затрагивая вопроса о членстве исключаемого и его права на дачу

Определение № 150 1945 г. по иску В. А. Кузнецова к ДСКТ «Отдых» и др.

Меерсон состоял членом ДСКТ «Отдых» и имел закрепленную за ним дачу на станции Валентиновка Северной ж. д. по Чкаловской улице под № 8. На основании постановления общего собрания ДСКТ от 2 мая и 13 августа 1944 г. Меерсон из членов ДСКТ был исключен, как порвавший связь с кооперативом с 1939 г. с изъятием у него дачи. В мае 1944 г. эта дача была передана Григоришвили.

Кузнецов В. А. по доверенности Меерсона предъявил в суде иск к ДСКТ

«Отдых», прося об отмене решения общего собрания членов ДСКТ об исключении Меерсона из членов кооператива, о восстановлении его членом ДСКТ и о выселении Григоришвили.

Народный суд 6-го участка Мытищинского района Московской области решением от 11 октября 1944 г. постановил решение общего собрания членов ДСКТ «Отдых» от 2 мая и 13 августа 1944 г. отменить, Меерсона восстановить членом этого кооператива, закрепить за ним дачу под № 8 по Чкаловской улице, а Григоришвили выселить из этой дачи, обязав правление ДСКТ предоставить Григоришвили другую жилплощадь.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что решение народного суда подлежит пересмотру по следующим основаниям:

Суд удовлетворил иск о восстановлении в правах членства Меерсона на том основании, что постановление общего собрания членов ДСКТ «Отдых» от 2 мая 1944 г. об исключении Меерсона из числа членов было вынесено без вызова его на собрание, в его отсутствие, при недостатке законного кворума, а общее собрание членов ДСКТ от 13 августа 1944 г., которым было подтверждено решение общего собрания от 2 мая 1944 г., хотя и имело законный кворум и состоялось в присутствии Меерсона, но последнему не было дано слова для защиты своих интересов. Исходя из этих мотивов, народный суд постановил вернуть спорную дачу Меерсону и выселить из нее Григоришвили.

Приведенные мотивы давали суду основание только к признанию указанных постановлений общего собрания членов ДСКТ лишеными законной силы, но не для передачи спорной дачи от Григоришвили Меерсону, так как, вынося постановления о лишении Меерсона права быть членом ДСКТ, общее собрание исходило из того, что Меерсон нарушил свои обязанности члена кооператива, и потому на основании § 21 Устава общее собрание вправе было лишить Меерсона членства в ДСКТ и изъять предоставленную ему дачу в фонд ДСКТ. Однако в обсуждение этих вопросов суд не вошел, в то время, как сущность спора по настоящему делу заключается не только в том, что правлением и общим собранием ДСКТ не были соблюдены в отношении Меерсона уставные правила, охраняющие его права, как члена ДСКТ, но главным образом в том, что он в течение длительного времени не выполнял свои обязанности, как член ДСКТ — не принимал участия в общественной жизни кооператива, не платил полагающихся с него взносов, привел надленную ему дачу в полуразрушенное состояние, о чем в деле имеются доказательства, и что в случае их подтверждения давало общему собранию право исключить Меерсона из членов кооператива.

При новом рассмотрении дела суду необходимо иметь в виду, что, согласно примерного устава ДСКТ, утвержденного постановлением СНК РСФСР от 31 октября 1939 г., управление кооперативом осуществляется общим собранием членов кооператива и его правлением. Прием и исключение членов кооператива осуществляются общим собранием (§ 25 устава), общее собрание вправе исключить члена кооператива по основаниям, указанным в § 21 устава и изъять дачное помещение, если он утратил свое членство (§ 19 устава). Поэтому, если неправильные в отношении Меерсона действия кооператива заключались только в том, что исключение Меерсона было произведено без соблюдения требуемых уставом условий, суд должен был, не затрагивая вопрос о членстве Меерсона и его права на дачу, ограничиться только кассированием незаконно вынесенного постановления общего собрания и тем самым предоставить общему собранию возможность выразить по данному вопросу свою волю в форме, установленной уставом. Если же постановление общего собрания являлось неправильным не только по этим основаниям, но и по существу, ввиду нарушения § 21 устава, содержащего поводы к лишению кооперативного членства, в этом случае суд, признавая недействительным такое постановление общего собрания, вправе самостоятельно решить вопрос о членстве Меерсона, о его праве на дачу и другие, связанные с этим вопросы материального кооперативного права.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 10 марта 1945 г. определила:

Решение народного суда 6-го участка Мытищинского района Московской области от 11 октября 1944 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в Московский областной суд по первой инстанции с участием прокурора.

5. Право на имущество колхозного двора имеют только члены двора

Определение № 108 1945 г. — по иску А. А. Рокуа к Г. И. Карцидзе

Рокуа Аграфена предъявила в народном суде иск о признании за нею и ее дочерью Рокуа Ниной право на имущество, оставшееся после смерти Рокуа Кесарии. В качестве ответчицы к делу была привлечена Карцидзе Гогуца Иосифовна, как член сельскохозяйственного двора Рокуа Кесарии.

Народный суд Ванского района Грузинской ССР решением от 21 августа 1944 г. постановил признать право наследования за Рокуа Ниной Романовной и Карцидзе Гогуца Иосифовной.

Судебная коллегия Верховного суда Грузинской ССР определением от 21 сентября 1944 г. решение народного суда признала неправильным и постановила в иске Рокуа Аграфене и Рокуа Нине отказать, за Карцидзе Г. И. признать право на имущество, как за членом сельскохозяйственного двора Рокуа Кесарии.

Судебная коллегия признала, что протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определения Верховного суда Грузинской ССР подлежат удовлетворению по следующим основаниям:

Иск Рокуа Аграфены, заявленный от своего имени и от имени дочери Рокуа Нины, является по существу требованием о признании за ними права на имущество, как за членами сельскохозяйственного двора Рокуа Кесарии. Суд, рассматривая настоящий спор, не обсудил вопрос о том, являются ли истица и ее дочь членами сельскохозяйственного двора Рокуа Кесарии. Между тем, в деле имеются данные, свидетельствующие о том, что Рокуа Аграфена имела постоянную связь с хозяйством двора Рокуа Кесарии и в г. Кутаиси проживала временно в связи с учением дочери, и что дочь ее по подворному списку значится членом сельскохозяйственного двора Рокуа Кесарии.

Что же касается признания членом сельскохозяйственного двора Рокуа Кесарии ответчицы Карцидзе Г. И., то, как устанавливается по делу, Карцидзе была оформлена как член сельскохозяйственного двора Рокуа Кесарии лишь в день смерти последней.

При наличии таких данных Коллегия должна была предложить суду проверить, являлась ли Карцидзе фактически членом сельскохозяйственного двора Рокуа или же она состояла членом двора ее родителей, а проживание в доме Рокуа носило характер родственной поддержки и было временным.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 28 февраля 1945 г. определила:

Решение народного суда Ванского района Грузинской ССР от 21 августа 1944 г. и определение Верховного суда Грузинской ССР от 21 сентября 1944 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе с участием прокурора.

6. Покупатель не считается добросовестным приобретателем, если в момент совершения сделки он знал, что продавец не имеет право распоряжения вещью

Определение № 33 1945 г. по иску Д. Г. Абухова к А. Н. Ахрамович

16 мая 1944 г. Адыгейский областной суд, рассмотрев дело по иску Абухова к Ахрамович о признании недействительной сделки купли-продажи дома, решил иск Абухова удовлетворить.

27 июля 1944 г. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР решение областного суда отменила и дело передала на новое рассмотрение по тем мотивам, что Ахрамович является добросовестным приобретателем домовладения.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что определение Судебной коллегии Верховного суда РСФСР подлежит отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что истец Абухов и его бывшая жена Абухова Ю. Г., ныне умершая, имели в гор. Майкопе дом. Часть дома, принадлежавшая жене истца, была продана в 1942 г., а деньги переданы Абуховой и ее дочери. Во время немецкой оккупации г. Майкопа, когда Абухов эвакуировался, а бывшая жена его с дочерью остались в г. Майкопе, б. жена Абухова — Ю. Г. Абухова продала Ахрамович вторую половину дома, принадлежавшую Абухову. Эта сделка купли-продажи второй половины дома была совершена в период немецкой оккупации без согласия Абухова, причем Ахрамович, как это видно из материалов дела, знала, что эта половина дома принадлежит Абухову и, следовательно, сделка совершается незаконно.

При этих условиях решение областного суда является правильным.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 18 января 1945 г. определила: определение Судебной коллегии Верховного суда РСФСР от 27 июня 1944 г. отменить и оставить в силе решение областного суда от 16 мая 1944 года.

7. За утрату вещей, сданных на хранение и в залог для обеспечения ссуды, ломбард отвечает в соответствии с уставом

Определение № 90 1945 г. по иску Г. И. Маковской к Ашхабадскому городскому ломбарду

Маковская предъявила в народном суде иск к Ашхабадскому городскому ломбарду о взыскании стоимости трех отрезов шелковой материи (крепдешина), сданных ломбарду по залоговой квитанции от 10 мая 1944 г. и утраченных ломбардом.

Решением народного суда 1-го участка Ленинского района г. Ашхабада от 23 августа 1944 г. постановлено взыскать с городского ломбарда в пользу истицы 7 метров крепдешина или стоимость материи по 1 250 рублей за метр, а всего 9 875 руб. и госпошлины в сумме 592 рублей. Определением Судебной коллегии Ашхабадского областного суда от 5 сентября 1944 г. решение народного суда оставлено в силе с изменением в части размера присужденной суммы до 7 900 рублей.

Определением Судебной коллегии Верховного суда Туркменской ССР от 21 сентября 1944 г. постановлено взыскать в пользу Маковской Г. И. 400 руб., согласно оценки, указанной в залоговой квитанции.

Судебная коллегия признала, что все указанные выше решения подлежат отмене по следующим основаниям:

Согласно Устава Ашхабадского городского ломбарда, предметы личного пользования и домашнего обихода, сдаваемые ломбарду на хранение или в залог для получения ссуды, оцениваются им по действительной стоимости. При рассмотрении настоящего дела судом установлено, что при приеме от Маковской в залог отрезов крепдешина, стоимость материи была занижена. Это обстоятельство находит себе подтверждение в оценке материи, указанной в заявлении ломбарда.

При этих условиях ответственность ломбарда должна быть определена в соответствии с указаниями, данными в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 15 апреля 1943 г. № 8/м/4/у «О порядке возмещения ущерба учреждениями, предприятиями и организациями за похищение, утрату или

повреждение сланных им вещей» в размере стоимости материи по повышенным (коммерческим) ценам государственной торговли.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 20 февраля 1945 г. определила:

Решение народного суда и определения областного суда и Верховного суда Туркменской ССР отменить и дело передать на новое рассмотрение в областной суд по первой инстанции с участием прокурора.

8. Занятие в период немецкой оккупации жилой площади не создает поселившемуся права на эту площадь, если после изгнания оккупантов жилищные органы не санкционировали ее занятие выдачей ордера

Определение № 118 1945 г. по иску А. К. Приходько к П. С. Близинок

Приходько проживал в г. Харькове по улице Дзержинского в доме № 54-б и занимал квартиру из двух комнат площадью в 36,9 кв. метров. В июне месяце 1941 г. Приходько был мобилизован в Красную Армию и как врач ортопед-травматолог направлен в систему эвакогоспиталей Наркомздрава УССР, а затем с госпиталем был направлен из г. Харькова в г. Красноярск. В период немецкой оккупации квартиру Приходько занял Близинок, получив ордер на эту квартиру от жилищуправления Кагановического района после освобождения г. Харькова от оккупантов. Возвратившись в г. Харьков, Приходько предъявил в народном суде иск к Близинок о выселении.

Народный суд 2-го участка Кагановического района г. Харькова решением от 3 июля 1944 г. в иске Приходько отказал. Судебная коллегия Харьковского областного суда определением от 19 июля 1944 г. решение народного суда отменила и дело передала на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении дела народный суд 3-го уч. Кагановического района г. Харькова решением от 17 августа 1944 г. постановил Близинок выселить и спорную площадь предоставить Приходько. Судебная коллегия Харьковского областного суда определением от 6 сентября 1944 г. решение народного суда оставила в силе.

По протесту Председателя Верховного суда УССР Судебная коллегия Верховного суда УССР определением от 3 октября 1944 г. оставила в силе решение народного суда 2-го участка Кагановического района от 3 июля 1944 г., отменив все последующие судебные решения и определения по тем мотивам, что квартира истца была разрушена и ответчиком капитально восстановлена, и РЖУ правильно выдал ответчику на нее ордер, истец же утратил право на площадь ввиду того, что он ее не оплачивал в течение 10 месяцев после возвращения из эвакуации.

Судебная коллегия признала, что определение Верховного суда УССР подлежит отмене по следующим основаниям:

Из имеющегося в деле отношения Кагановического райсовета г. Харькова видно, что ордер на занятие спорной жилплощади был выдан Близинок ошибочно и Жилуправлением аннулирован.

Заселение жилой площади в период немецкой оккупации не создает лицу, занявшему площадь, никаких прав на эту площадь, если после освобождения местности от оккупантов жилищные органы не выдали ордера на ее занятие. Поскольку ордер на занятие площади, принадлежащей Приходько, был выдан Близинок ошибочно и поэтому аннулирован, решение народного суда об оставлении площади за Близинок не может быть оставлено в силе, как вынесенное с нарушением статьи 23 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 года.

Ссылка Верховного суда УССР на то, что Приходько утратил право на спорную жилплощадь вследствие неплатежа квартирной платы более трех месяцев не может быть принята во внимание, поскольку Приходько со спорной жилплощадью был призван в Красную Армию, а потому за ним и членами его семьи на основании постановления СНК СССР от 5 августа 1941 г. и постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 января 1945 г. № 1/2/у сохраняется жилая площадь.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, в заседании от 26 февраля 1945 г. определила:

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда УССР от 3 октября 1944 г. отменить и оставить в силе решение народного суда 3-го участка Кагановичевского района г. Харькова от 17 августа 1944 г. и оставившее его в силе определение Харьковского областного суда от 6 сентября 1944 года.

9. В случае утраты эвакуированным права на площадь, вызов его на работу не налагает на жилищные органы обязанности предоставить эвакуированному прежнее или другое помещение

Определение № 149 1945 г. по иску Ю. А. Самсонова к Е. А. Щелкунову и др.

Самсонов занимал в г. Бабушкине по Ульяновской улице в доме № 34/1 две комнаты размером в 26 кв. м. В декабре 1941 г. он эвакуировался в г. Миас, Челябинской области. В отсутствие Самсонова Горжилуправление выдало ордер на занятие его комнат Щелкунову. Ввиду возвращения Самсонова из эвакуации, его мать, Самсонова Л. Г. по доверенности сына предъявила в народном суде иск к Щелкунову и Горжилуправлению об освобождении жилплощади.

Народный суд 5-го участка Мытищинского района Московской области решением от 7 сентября 1944 г. постановил выселить Щелкунова из квартиры Самсонова и обязал Горжилуправление предоставить Щелкунову равноценную жилплощадь. Судебная коллегия Московского областного суда определением от 3 октября 1944 г. решение народного суда оставила в силе.

Верховный суд РСФСР определением от 8 декабря 1944 г. протест Председателя Верховного суда СССР отклонил.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что решение народного суда и определения Московского областного суда и Верховного суда РСФСР подлежат отмене по следующим основаниям:

Вывод суда о том, что Самсонов выехал из г. Бабушкина по эвакуации с учреждением и поэтому, как регулярно оплачивающий квартирную плату, право на свою жилплощадь сохранил, нельзя признать обоснованным. В деле имеются две справки, выданные в декабре 1941 г., одна конструкторским бюро о том, что Самсонов эвакуировался из Москвы в г. Миас, а другая — Наркоматом Боеприпасов о том, что Самсонов выезжает из Москвы в длительную командировку. Несмотря на различные сведения в справках о выезде Самсонова из Москвы в 1941 г. суд не выяснил, какая из этих справок соответствует действительности, и без проверки положил в основу решения справку конструкторского бюро, не обудив имеющуюся справку Наркомата Боеприпасов, свидетельствующую о выезде Самсонова в командировку.

Кроме того, суд не выяснил служебное положение Самсонова во время эвакуации, не установил, продолжал ли он и в эвакуации работать в составе конструкторского бюро, с которым, как указывает суд в своем решении, он

выехал по эвакуации или же он был откомандирован для работы на завод, и какой характер, постоянный или временный носила работа Самсонова на заводе.

Выяснение этих обстоятельств имеет для дела существенное значение. В том случае, если Самсонов состоял в штатах завода постоянным сотрудником и трудовые отношения его с конструкторским бюро были прекращены, то Самсонов, как переехавший в Свердловскую область к месту новой постоянной работы, право на спорную площадь потерял и вызов его наркоматом в Москву не налагает на Горжилуправление г. Бабушкина обязанности предоставить Самсонову его прежнее или другое жилое помещение и о предоставлении Самсонову жилой площади в этом случае должен позаботиться Наркомат, распорядившийся о переводе Самсонова в свой аппарат.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 10 марта 1945 г. определила:

Решение народного суда 5-го участка Мытищинского района Московской области от 7 сентября 1944 г., определение Московского областного суда от 3 октября 1944 г. и определение Верховного суда РСФСР от 8 декабря 1944 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в Московский областной суд по первой инстанции с участием прокурора.

10. В случае специального правительственного постановления о переселении жильцов в связи с передачей дома для заселения его работниками той организации, которой передан дом, выселение, при отсутствии иных указаний, производится в соответствии со ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. (СЗ СССР № 69, ст. 314)

Определение № 129 1945 г. по иску Коксохимического завода к А. И. Проверенко

Управление жилфондом Харьковского коксохимического завода Главкокса НКЧМ предъявило в народном суде иск к Проверенко о выселении его из квартиры № 32 дома № 7 по Пушкинскому проезду г. Харькова, как неимеющего никакого отношения к заводу.

В качестве соотвечника по делу была привлечена ОСМЧ — 26, в ведении которой находился указанный дом до передачи его Харьковскому коксохимическому заводу. Кагановичское райжилуправление было привлечено по делу в качестве третьего лица.

Народный суд 3-го участка Кагановичского района г. Харькова решением от 24 августа 1944 г. постановил выселить Проверенку, обязав Особую Строительно-Монтажную часть № 26 предоставить Проверенку другую жилую площадь.

Судебная коллегия Харьковского областного суда определением от 18 сентября 1944 г. решение народного суда отменила и в иске Коксохимическому заводу о выселении Проверенку отказала по тем основаниям, что завод не имеет права требовать выселения жильцов, вселившихся по разрешению горсовета, согласно постановления СНК СССР от 24 августа 1944 года.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что решение народного суда и определение областного суда подлежат отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что дом № 7 по Пушкинскому проезду согласно постановлению исполкома Харьковского городского совета депутатов трудящихся от 14 ноября 1923 г. был передан в ведение Особой Строительно-монтажной части № 26 и заселен по распоряжению последней.

В соответствии с распоряжением Государственного Комитета Обороны от 26 марта 1944 г. за № 5473 указанный дом, согласно постановлению исполкома Харьковского Облсовета депутатов трудящихся и Бюро Обкома КП(б)У от 20 апреля 1944 г., был передан Коксохимическому заводу НКЧМ для обеспечения работников Гипрококса и их семей жилой площадью с выселением жильцов, не работающих в системе Наркомчермета.

При наличии такого специального постановления о переселении жильцов в связи с передачей дома утверждение Харьковского облсуда о невозможности выселения Проверенко является неправильным.

Выселение Проверенко в данном случае может быть произведено в порядке статьи 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. с предоставлением ему со стороны Коксохимического завода другой площади, в соответствии с п. 32 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 года.

Что же касается требований Коксохимического завода к Исполкому местного Совета депутатов трудящихся о выделении соответствующего жилищного фонда для предоставления выселяемым, то эти требования могут быть заявлены в административном порядке и судебному рассмотрению не подлежат.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 26 февраля 1945 г. определила:

Решение народного суда 3-го участка Кагановического района г. Харькова от 24 августа 1944 г. и определение Судебной коллегии Харьковского областного суда от 18 сентября 1944 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе с участием прокурора.

11. По постановлению СНК СССР от 5 августа 1941 года право на жилую площадь за военнослужащими и членами их семей сохраняется независимо от того, в чьем ведении находится эта площадь

Определение № 136 1945 г. по иску М. А. Агуф к Ю. С. Кобылецкому и др.

Народный суд 1-го участка Сталинского района г. Киева, рассмотрев дело по иску Агуф к Кобылецкому и Киевскому Горжилуправлению о возврате жилплощади, решением от 14 июня 1944 г. в иске Агуф отказал на том основании, что дом № 63 по улице Ленина, где находится жилая площадь Агуф, по постановлению СНК Украинской ССР от 30 ноября 1943 г. передан Союзу советских писателей Украины.

Судебная коллегия Киевского областного суда определением от 26 июня 1944 г. решение народного суда отменила за нарушением постановления СНК СССР от 5 августа 1941 г., так как на спорной площади вместе с Агуф проживали два его сына, которые с этой площади призваны в Красную Армию.

Определением от 11 июля 1944 г. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда УССР определение Киевского областного суда отменено и оставлено в силе решение народного суда.

По протесту Прокурора Союза ССР Судебная коллегия признала, что дело подлежит пересмотру по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что два сына истца Агуф были со спорной площади призваны в Красную Армию. Согласно постановлению СНК СССР от 5 августа 1941 г., жилая площадь сохраняется за военнослужащими на все время войны. Лица, вселенные на жилую площадь военнослужащих хотя и по ордерам жилищных органов, прав постоянных съемщиков этой площади не приобретают, являются временными жильцами и в соответствии с указанным постановлением СНК СССР от 5 августа 1941 г. подлежат выселению с этой площади как по требованию самих военнослужащих, так и членов их семей.

То обстоятельство, что домовладение, в котором находится квартира Агуф, по постановлению СНК УССР перешло в ведение Союза советских писателей Украины, не может служить основанием для отказа Агуф в иске, так как в соответствии с постановлением СНК СССР от 5 августа 1941 г. право на жилую площадь за военнослужащими и членами их семей сохраняется независимо от того, в чьем владении и распоряжении эта площадь находится.

На основании изложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 26 февраля 1945 г. определила:

Решение народного суда 1-го участка Сталинского района г. Киева от 14 июня 1944 г., определение Киевского областного суда от 26 июня 1944 г. и определение Верховного суда Украинской ССР от 11 июля 1944 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в Киевский областной суд по первой инстанции с участием прокурора.

12. Направление груза является элементом ответственного плана перевозки, а потому недогруз предусмотренного планом количества груза по дорогам назначения является основанием к взысканию штрафа

Определение № 85 1945 г. по иску Треста «Ленинуголь» к Управлению Томской ж. д.

Трест «Ленинуголь» Комбината «Кузбассуголь» обратился в суд с иском к Управлению Томской ж. д. о взыскании 12 172 р. 50 к. штрафа за нарушение ответственного плана перевозки. Указав в исковом заявлении, что отказ дороги от уплаты спорной суммы мотивирован тем, что трестом допущено нарушение ответственного плана перевозок в виде отправки груза не по тем дорогам назначения, которые предусмотрены планом, Трест просил привлечь в качестве соответчика контору Главуглесбыта, по нарядам которой им производилась отгрузка каменного угля.

Решением Новосибирского областного суда от 23 декабря 1943 г. постановлено взыскать с Новосибирской Конторы «Главснабуголь» 12 172 р. 50 к. и государственной пошлины в сумме 730 рублей. Указанное решение оставлено в силе определением Верховного суда РСФСР от 25 февраля 1944 года.

Судебная коллегия признала, что решение областного суда и определение Верховного суда РСФСР подлежат отмене по следующим основаниям:

1. Согласно ст. 62 Устава жел. дор. СССР, ответственность за невыполнение плана перевозки грузов несут железные дороги и отправители грузов, а потому в данном случае, поскольку отправителем груза является трест «Ленинуголь», суд должен был разрешить вопрос о расчетах между этим трестом и дорогой. Что же касается Новосибирской конторы «Главснабуголь», то поскольку решение по этому делу могло создать для нее обязанности в отношении треста «Ленинуголь», эта контора могла участвовать по делу в качестве третьего лица.

2. Требования треста «Ленинуголь» должны быть рассмотрены, как иск о взыскании штрафа за неподачу подвижного состава с полной проверкой расчетов между отправителем и дорогой. При этом должно быть учтено, что направление грузов является одним из элементов ответственного плана перевозки, а потому недогруз предусмотренного планом количества грузов по дорогам назначения должен рассматриваться, как нарушение ответственного плана перевозок, влекущее за собой штрафную ответственность. В счет выполнения плана могут быть зачтены отправки, произведенные с изменением дорог назначения, оформленные распоряжением Наркома путей сообщения или его заместителем в соответствии с постановлением Экономсовета при СНК СССР от 20 августа 1939 года. В тех случаях, когда такого оформления изменения дороги назначения не произведено, но груз дорогой принят к перевозке, то, поскольку в этом случае дорогой также нарушен план перевозок, нет оснований ко взысканию в ее пользу штрафа с отправителя груза. Штраф может быть взыскан в том случае, если будет доказано, что по условиям погрузки дорога не могла своевременно обнаружить изменение дороги назначения груза.

Соглашаясь с доводами, изложенными в протесте Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия в заседании от 20 февраля 1945 г. определила:

Решение областного суда и определение Верховного суда РСФСР отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе с участием прокурора.

13. Дорога не обязана к возмещению стоимости доставленных частей груза аппаратуры, хотя бы основные части аппаратуры были утрачены дорогой и не могли быть выданы получателю

Определение № 148 1945 г. по иску завода № 202 имени Ворошилова к Управлению Приморской ж. д.

Завод № 202 имени Ворошилова (г. Владивосток) предъявил в суде иск к Управлению Приморской железной дороги о взыскании 21 808 руб. за недостачу одного из трех мест разной аппаратуры, отправленных по багажной квитанции за № 716580.

Приморский краевой суд решением от 29 февраля 1944 г. иск завода удовлетворил в сумме 20 865 р. 98 к. за недостачу аппаратуры и 1251 р. 96 к. в возмещение судебных издержек, в остальной части иска отказал.

Определением от 6 апреля 1944 г. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР решение краевого суда оставила в силе.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что решение краевого суда и определение Верховного суда РСФСР подлежат отмене по следующим основаниям.

Подлежащая возмещению сумма исчислена исходя из стоимости всех трех мест по тем мотивам, что дорогой утрачено место с основной аппаратурой и вследствие этого полученные части не представляют ценности. Дорога освобождена лишь от возмещения расходов по транспортировке доставленных мест. Такое исчисление нельзя признать правильным. Поскольку отказа от получения доставленных железной дорогой двух мест от завода № 202 не последовало, суд должен был, определяя размер ответственности железной дороги, учесть стоимость полученных заводом частей.

То обстоятельство, что завод лишен возможности использовать части ввиду отсутствия основной аппаратуры, не дает оснований считать, что эти части утратили всякую ценность. Актом от 4 марта 1944 г., представленным истцом суду, стоимость поступившей аппаратуры ориентировочно определена в 4078 р. 72 к.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 10 марта 1945 г. определила:

Решение Приморского краевого суда от 29 февраля 1944 г. и определение Судебной коллегии Верховного суда РСФСР от 6 апреля 1944 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе с участием прокурора.

14. Если по условиям военного времени груз на законных основаниях был допущен к перевозке на открытом подвижном составе и погиб вследствие такого способа перевозки, дорога освобождается от ответственности за его гибель

Определение № 141 1945 г. по иску фабрики «Красное эхо» к Управлению Ярославской ж. д.

Фабрика «Красное эхо» предъявила иск к Управлению Ярославской железной дороги о взыскании 71 187 р. 49 к. в возмещение стоимости хлопка, следовавшего по накладной № 5181 и сгоревшего от искры паровоза.

Решением Ярославского областного суда от 28 октября 1943 г. иск был удовлетворен и постановлено взыскать с Управления Ярославской железной дороги в пользу истца 71 187 руб. и 4 271 руб. расходов по оплате госпошлины. Указанное решение отменено в силе определением Судебной коллегии Верховного суда РСФСР от 16 декабря 1943 года.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что решение областного суда и определение Судебной коллегии Верховного суда РСФСР подлежат отмене по следующим основаниям:

Несмотря на наличие данных об отправке груза на открытом подвижном составе и без надлежащего укрытия, отправитель груза к делу не привлечен

и потому обстоятельства, при которых произведена отгрузка хлопка, остались невыясненными. Между тем НКПС в своих объяснениях указывает, что перевозка спорного груза производилась в особых условиях военного времени, когда ввиду необходимости ускоренной перевозки хлопка постановлением ГОКО была санкционирована перевозка его на открытом подвижном составе, а транспортные органы вынуждены были принять груз к перевозке до получения отправителем стоек для оборудования платформ и брезентов для укрытия груза без стоек и даже без прикрепления груза к платформам проволокой или веревочной увязкой отправителя.

При перевозке хлопка в таких условиях на открытых платформах на дороге не может быть возложена ответственность за гибель груза по причинам, связанным с таким способом перевозки (п. «д» ст. 68 Устава ж. д. СССР), а потому, если при новом рассмотрении настоящего дела, вышеуказанные условия перевозки будут подтверждены, суд вправе разрешить вопрос лишь о расчетах между получателем и отправителем груза.

Соглашаясь с доводами, изложенными в протесте Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 20 февраля 1945 г. определила:

Решение областного суда и определение Судебной коллегии Верховного суда РСФСР отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе с участием прокурора.

15. Споры о выплате премиального вознаграждения разрешаются судом в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 13 ноября 1944 г. № 43/27/у

Определение № 121 1945 г. по иску П. И. Каркашадзе к Западной шахте «Ткибульуголь»

Народный суд 1-го участка Ткибульского района Грузинской ССР, рассмотрев дело по иску Каркашадзе к Западной шахте треста «Ткибульуголь» о выплате премиального вознаграждения в сумме 2632 р. 87 к., решением от 10 ноября 1943 г. постановил взыскать с Западной шахты треста «Ткибульуголь» в пользу Каркашадзе 2314 р. 12 к. Судебная коллегия Верховного суда Грузинской ССР определением от 15 декабря 1943 г. решение народного суда отменила и дело производством прекратила за неподсудностью судебным органам.

Судебная коллегия признала, что решение народного суда и определение Верховного суда Грузинской ССР подлежат отмене по следующим основаниям:

Прекращая дело производством, Судебная коллегия Верховного суда Грузинской ССР сослалась на отсутствие между сторонами договора, которым была бы предусмотрена выплата премии, как гарантийного вознаграждения. Между тем, разрешая вопрос о подведомственности данного дела суду, суд должен был руководствоваться указаниями, данными в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 13 ноября 1941 г. за № 43/27/у «О подсудности судебным органам исков о выплате премиального вознаграждения рабочим и служащим», в силу которого иски о выплате премиального вознаграждения могут быть приняты судом к своему производству в тех случаях, когда премия является периодическим вознаграждением, обусловленным самой системой оплаты труда, основанной на объективных показателях работы, а не носит характера единовременного поощрительного вознаграждения.

Предметом иска по настоящему делу является премиальное вознаграждение, обусловленное положением о премиальной оплате работников шахт и трестов угольной промышленности, а потому он мог быть рассмотрен судом.

Однако решение народного суда подлежало отмене потому, что суд удовлетворил иск при наличии данных о пропуске 14-дневного срока со дня рассмотрения его в РКК, не обсудив вопроса о соблюдении истцом срока на обращение в суд, предусмотренного ст. 50 Правил о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов, утвержденных постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. Кроме того, решение народного

суда является необоснованным и по существу, так как судом показатели работы Каркашадзе определены лишь на основании справок экономиста Шевченко, который в суде заявил об ошибочности этих справок.

При наличии таких обстоятельств суд должен был истребовать официальные данные о работе участка, а в случае необходимости назначить экспертизу для установления показателей работы и определения размера причитающегося Каркашадзе премиального вознаграждения.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, в заседании от 26 февраля 1945 г. определила:

Решение народного суда 1-го участка Ткибульского района Грузинской ССР от 10 ноября 1943 г. и определение Верховного суда Грузинской ССР от 15 декабря 1943 г., отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе с участием прокурора.

16. По делам об освобождении имущества от описи, принадлежность имущества может быть доказываема свидетельскими показаниями

Определение № 107 1945 г. по иску Г. Е. Цхведиани об освобождении имущества от описи

Цхведиани предъявила в народном суде иск об исключении из описи имущества, произведенной на погашение задолженности мужа ее дочери Гватуа Шота.

Народный суд 3-го уч. района имени Берия г. Тбилиси решением от 26 ноября 1943 г. в иске Цхведиани отказал. Судебная коллегия Верховного суда Грузинской ССР определением от 15 декабря 1943 г. это решение оставила в силе.

Судебная коллегия признала, что протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определения Судебной коллегии Верховного суда Грузинской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Признание судом спорного имущества общим по признаку совместного проживания и совместного ведения хозяйства зятя истицы Гватуа Шота в семье истицы в течение нескольких лет, поскольку это имущество составляет имущество городской семьи, является неправильным. Согласно статьи 17 КЗоБСО Грузинской ССР, общим имуществом признается лишь имущество супругов, нажитое в течение брака. Однако, в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 августа 1927 г. (СЗ СССР 1927 г. № 51, ст. 27), взыскание на общее имущество может быть обращено лишь в случаях возмещения ущерба от хищений, растрат и присвоения имущества государственных учреждений и предприятий, кооперативных и общественных организаций.

Указание Судебной коллегии Верховного суда Грузинской ССР на то, что по делу не доказана принадлежность спорного имущества истице противоречит материалам настоящего дела, так как допрошенные в судебном заседании свидетели Кинияки и Орджоникидзе показали, что описанные вещи принадлежат истице, куплены ею давно и что Гватуа стал проживать в ее доме недавно, причем поселившись в семье Цхведиани, Гватуа никакого имущества с собой не принес. По каким мотивам эти показания исключены как доказательства по делу, ни в решении, ни в определении никаких указаний не имеется.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 28 февраля 1945 г. определила:

Решение народного суда 3-го уч. района им. Берия г. Тбилиси от 26 ноября 1943 г. и определение Верховного суда Грузинской ССР от 15 декабря 1943 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в Верховный суд Грузинской ССР по первой инстанции с участием прокурора.

17. Штраф за невыполнение обязательных поставок государству взимается в установленных пределах с учетом конкретных обстоятельств, при которых недоимщик допустил невыполнение обязательства.

§ 1. Определение № 123 1945 г. по заявлению райуполнаркомзага к И. И. Горелову

Народный суд Козельского района Калужской области 25 сентября 1944 г., рассмотрев заявление райуполнаркомзага о невыполнении Гореловым обязательных поставок государству молока за 1944 год в размере 180 литров, вынес решение о взыскании рыночной стоимости невыполненного обязательства по молокопоставкам в сумме 5400 руб. и наложении штрафа в размере однократной стоимости 180 литров молока в сумме 5400 рублей. Определением Судебной коллегии Калужского областного суда от 14 октября 1944 г. указанное решение оставлено в силе.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что решение народного суда и определение областного суда подлежат отмене по следующим основаниям.

За невыполнение в срок обязательных поставок государству постановлением СНК СССР от 24 ноября 1942 г. определен предельный размер штрафа — двукратная рыночная стоимость несданных государству продуктов. Следовательно, определение размера штрафа должно производиться судом в зависимости от конкретных обстоятельств, при которых недоимщиком допущено нарушение установленных государством сроков по выполнению обязательных поставок, а потому при известных условиях сумма штрафа может быть определена судом и ниже однократной рыночной стоимости несданных продуктов.

Как видно из материалов дела, корова Горелова в течение ряда лет является яловой; помимо своей семьи, состоящей из четырех человек, на иждивении Горелова находится эвакуированная дочь с малолетними детьми, у которой муж — офицер Красной Армии. Указанные обстоятельства при новом рассмотрении дела суд должен обсудить и учесть при определении размера штрафа.

Неправильным решение является и потому, что суд взыскал рыночную стоимость невыполненного обязательства, тогда как в силу постановления СНК СССР от 24 ноября 1942 г. (ст. 1 и 4) рыночная стоимость взыскивается лишь в том случае, если органами Наркомзага установлена невозможность взыскания недоимки в натуре, о чем должно быть указано в заявлении, подаваемом в суд.

В силу изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 20 февраля 1945 г. определила:

решение народного суда отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе.

§ 2. Определение № 35 1945 г. по заявлению райуполнаркомзага по делу с Е. Я. Мутных

16 августа 1943 г. народный суд Богородского района Кировской области, рассмотрев дело по заявлению райуполнаркомзага к Мутных о взыскании недоимок, решил взыскать недоимку в натуре, и, кроме того, штраф за невыполнение обязательных поставок в срок однократную рыночную стоимость продуктов в размере 6157 руб.

3 сентября 1943 г. Кировский областной суд решение народного суда изменил в том отношении, что определил взыскать 4132 руб. стоимости недоимки вместо взыскания их в натуре.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что дело подлежит пересмотру по следующим основаниям:

1. Судебная коллегия Кировского областного суда неправильно заменила взыскание недоимки в натуре взысканием ее рыночной стоимости. Такая замена возможна только в тех случаях, когда органы Наркомзага установят невозможность изыскания недоимки в натуре и укажут это обстоятельство

в заявлении, поданном в суд. В настоящем деле эти правила не соблюдены, чем нарушено постановление СНК СССР от 24 ноября 1942 года.

2. Согласно постановлению СНК СССР от 24 ноября 1942 г. на недоимщика может быть наложен штраф за невыполнение обязательства в срок в размере двукратной рыночной стоимости несданных продуктов. Этот штраф, учитывая особенности каждого конкретного дела, может быть снижен ниже однократной рыночной стоимости несданных продуктов. Из материалов настоящего дела видно, что муж и два сына ответчицы находятся в Красной Армии, дочь — на оборонных работах, а в хозяйстве осталась одна ответчица с тремя детьми от 5 до 14 лет. Следовательно, при новом рассмотрении дела суд может обсудить вопрос о снижении штрафа, учитывая также и то обстоятельство, что недоимка уже погашена.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 26 февраля 1945 г. определила:

Решение народного суда и определение областного суда отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд с участием прокурора.

§ 3. Определение № 34 1945 г. по заявлению райуполнаркомзага по делу с Е. Ф. Чумиковой

19 ноября 1943 г. народный суд 2-го уч. Баймакского района, рассмотрев дело по заявлению райуполнаркомзага к Чумиковой о взыскании недоимки по обязательным поставкам, решил наложить на Чумикову за невыполнение в срок обязательных поставок штраф в сумме 33 400 рублей, т. е. двукратную рыночную стоимость несданных продуктов. 24 октября 1943 г. Судебная коллегия Верховного суда Башкирской АССР решение народного суда оставила в силе.

По протесту Председателя Верховного суда СССР дело подлежит пересмотру по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что поставка не была выполнена Чумиковой своевременно вследствие того, что по распоряжению райуполнаркомзага поставка должна была сдаваться на месте по приезде агентов райуполнаркомзага. По приезде последних поставка была выполнена. Эти обстоятельства подтверждает справка поселкового совета, приобщенная Чумиковой к надзорной жалобе.

Таким образом, если эти обстоятельства при новом рассмотрении дела подтвердятся, то нет законных оснований для привлечения Чумиковой к штрафной ответственности за невыполнение в срок обязательных поставок.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 18 января 1945 г. определила:

решение народного суда и определение Верховного суда Башкирской АССР отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд с участием прокурора.